

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	526
Маркович В. М. О роли Лермонтова в русской культуре: несколько предварительных замечаний.....	527
<i>Виролайнен М. Н.</i> В. М. Маркович: поэтика мысли.....	535
<i>Григорьева Е. Н.</i> Спецсеминар В. М. Марковича «Классика и авангард»: методологические основания.....	544
<i>Васильева И. Э.</i> Герменевтическое литературоведение как язык культурной эпохи: к дискуссии о кризисе филологии.....	552
<i>Потапова Г. Е.</i> О двух контрастных подходах к интерпретации «Повестей Белкина»: В. М. Маркович и В. Шмид.....	570
<i>Филонов Е. А.</i> Повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики»: художественный текст как факт литературного процесса.....	582
<i>Большухин Л. Ю., Александрова М. А.</i> «А вы могли бы?» Маяковского как «рубежный» текст.....	590

<i>Калинин И. А.</i> Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии	605
<i>Беляк Г. Н.</i> Текст в тексте и парадоксы теории множеств.....	618
<i>Бухаркин П. Е.</i> Поэзия С. С. Аверинцева как альтернатива классической традиции в русской литературе	625
<i>Баранов Д. К.</i> Саша Соколов и Н. В. Гоголь: проблематизация персонажа	638
<i>Большев А. О.</i> Парадокс Петкевича (об особенностях смысловой структуры мемуарной книги Т. В. Петкевич «Жизнь — сапожок непарный»).....	651

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-73026
от 6 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Редактор *О. В. Косенко*
Корректор *Т. В. Никифорова*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторг*

Подписано в печать 14.01.2019. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 77 экз. (1-й завод). Заказ № . Цена свободная.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11.
Тел./факс 328-44-22.

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

Editorial	526
<i>Markovich V. M.</i> [†] On the role of Lermontov in Russian culture. Some preliminary remarks.....	527
<i>Virolainen M. N.</i> Vladimir M. Markovich: Poetics of thought	535
<i>Grigorieva E. N.</i> V. Markovich's special seminar "Classics and Avant-garde". Methodological grounds.....	544
<i>Vasileva I. E.</i> Hermeneutic literary studies as a language of a cultural epoch: Discussing the crisis in philology.....	552
<i>Potapova G. E.</i> Two different approaches to interpreting <i>The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin:</i> Vladimir M. Markovich and Wolf Schmid.....	570
<i>Filonov E. A.</i> Nikolai Gogol's <i>The Old-World Landlords:</i> The literary text as a fact of the literary process	582
<i>Bol'shukhin L. Iu., Aleksandrova M. A.</i> Mayakovsky's poem <i>A vy mogli by?</i> as a "boundary" text.....	590
<i>Kalinin I. A.</i> How Lenin's language is made: Material of history and technique of ideology.....	605
<i>Belyak G. N.</i> Text-in-text and the paradoxes of set theory	618
<i>Bukharkin P. E.</i> The poetry of S. S. Averintsev as an alternative to classical tradition in Russian literature.....	625
<i>Baranov D. K.</i> Sasha Sokolov and N. Gogol: Character problematisation.....	638
<i>Bolshev A. O.</i> The paradox of Petkevich (on the peculiarities of the semantic structure of the memoir book by T. V. Petkevich <i>Life is an Unpaired Boot</i>).....	651

Васильева Ирина Эдуардовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
i.vasileva@spbu.ru

Герменевтическое литературоведение как язык культурной эпохи: к дискуссии о кризисе филологии

Для цитирования: Васильева И. Э. Герменевтическое литературоведение как язык культурной эпохи: к дискуссии о кризисе филологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018, 15 (4): 552–569. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.404>

В настоящей статье предпринята попытка подойти к вопросу о кризисе филологии не с оценочной точки зрения, а так, как это делал В. М. Маркович в рамках своего университетского курса «Теория литературного процесса», — как к новому уровню осмысления уже имеющегося опыта. Вопрос о кризисе гуманитарных наук в целом и филологии в частности обсуждается уже более четверти века. Сегодня признано, что кризис имеет всесторонний характер: речь идет и о кризисе методологическом, и дисциплинарном, и институциональном, и даже репутационном. Причины кризиса активно обсуждались, и в итоге предпринимались многократные попытки изменить поле гуманитарных исследований, связанные не в последнюю очередь с отказом от продолжения предшествующей традиции. Для российской науки эта традиция прежде всего воплощена в литературоведении герменевтического типа. С позиции критически ориентированной современной мысли, исследовательские установки такой филологии не соответствуют актуальным запросам. Казалось бы, традиционное академическое знание даже в лучших своих образцах становится антикварным фактом прошлого. Однако обращение к опыту герменевтического литературоведения не с позиций актуальности исследовательской парадигмы или не только как к факту истории науки, а как к опыту культурному представляется отнюдь не бесполезным для осмысления сегодняшних оснований гуманитарной деятельности. Характерной чертой герменевтического литературоведения стало понимание исследовательского процесса как процесса творческого. Результат такого исследования — это не просто аналитическое научное описание, а текст, конструируемый и воспринимаемый с помощью тех же эстетических критериев, что и сам предмет исследования — текст фикциональный. Благодаря этому филологические работы такого типа оказывались востребованы не только узким кругом специалистов, но и широкой, не ориентированной сугубо профессионально аудиторией, что в течение долгого времени обеспечивало высокий репутационный статус филологии как области знания. Как представляется, культурный опыт герменевтического литературоведения показывает, что искать пути преодоления кризиса можно не только в русле развития новых научных концепций, но и в плане поиска такого языка исследования, который смог бы стать языком современной культуры.

Ключевые слова: теория литературного процесса, кризис филологии, герменевтическое литературоведение, язык культурной эпохи.

1. О курсе

В первой половине 2000-х годов Владимиром Марковичем Марковичем был задуман и разработан учебный курс «Теория литературного процесса». Он был адресован студентам филологического факультета Санкт-Петербургского университета и читался Марковичем до 2015 г. Быть может, не столь эксплицитно, этот курс диалогически был устремлен к самому литературному процессу, прежде всего к тем темам и сюжетам, что были предметом исследований и интерпретаций Владимира Марковича. О чем бы ни писал Маркович — о классической русской литературе от В. А. Жуковского и А. С. Пушкина до А. П. Чехова, о поэзии ленинградского андеграунда, о теоретических вопросах, о филологах разных поколений, — всегда его размышления или прямо обращены, или подразумевают обращение взгляда на природу литературного процесса в целом — см., например, работы «Книга Веселовского „В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения“ и ее судьба в отечественном литературоведении», «Парадокс как принцип построения характера в русском романе XIX в. К постановке вопроса», «Концепция „стадиальности литературного развития“ в работах Г. А. Гуковского 1940-х годов», «В. Э. Вацуро: материалы для исследования», «О Бахтине „подлинном“ и Бахтине „реальном“», «Субъективное авторское повествование и кризис реалистического нарратива: несколько замечаний» [Маркович 1992; 2001; 2002; 2005; 2006; 2008] и др. В этом смысле данный учебный курс был естественным и, как представляется, очень важным продолжением тех тем и проектов (книг и монографий, научных семинаров, конференций — как знаменитые конференции в Пушкинских Горах), которыми Маркович занимался всю свою научную жизнь.

Вместе с тем курс не стал, не успел стать завершенной работой Марковича. Многие его лекции или доклады в университетских аудиториях выросли потом в статьи и книги. Этот проект не успел воплотиться в письменном слове и остался только как слово устное¹. Но дело не только в форме вербальной закреплённости мысли. Читая этот курс, Маркович каждый год выстраивал его немного иначе: менял смысловые акценты, что-то дополнял. Курс отражал естественную для ученого ситуацию поиска решений. Тем самым он обладал не только понятной педагогической актуальностью (важность курса как образовательного компонента в рамках магистерской программы не требует дополнительных мотивировок), но и сугубо научной значимостью. Этот курс был живым, внутренне незавершенным предметом теоретического осмысления активно дискутируемых вопросов о судьбе и природе гуманитарных наук, в первую очередь — филологии. Этим он был интересен автору и сложен для слушателей. Курс не предлагал готовую для воспроизведения или использования концепцию, он прежде всего призывал задуматься об эпистемологических основаниях современной гуманитарной науки, без чего осмысленное существование в профессии вряд ли возможно.

Маркович задумал и стал читать «Теорию литературного процесса», когда проблема кризиса филологии только начала активно обсуждаться в российском научном пространстве. С течением лет, как уже было отмечено, курс несколь-

¹ Сохранились аудиозаписи лекций этого курса, которые позволяют примерно представить логику автора: круг необходимых для обсуждения в рамках курса вопросов и принцип осмысления материала.

ко менялся, откликаясь на ход разворачивающейся дискуссии. Предлагал ли он свой рецепт преодоления кризисной ситуации? Декларативно-однозначно, конечно, нет. Как стремился объяснить и показать Маркович, задача этого курса не заключалась в манифестировании готовой (пусть и сколь угодно сложной) концепции выхода из кризиса. «Теория литературного процесса» строилась как предложение к размышлению над современной ситуацией, над предметом филологии, историей этой науки, над отношением ее к другим наукам, над различным методологиями и границами их применения и т. д. Когда в ходе дискуссии отчетливо обозначился вектор ухода в меж- или ино-дисциплинарность как один из вариантов преодоления кризиса, Маркович не отрицал прямо такое решение и не вступал с ним в полемику, но, как представляется, и замысел, и логика этого курса говорят о неготовности однозначного приятия подобной позиции как итога. Возможно, для стороннего взгляда напрашивается биографическое объяснение: в отсутствии однозначного согласия с обозначенным выше подходом по-человечески видится и глубоко личное основание. Всю жизнь Маркович занимался филологией. Это — не просто профессия, но неотъемлемая и существенная часть личности. Тем не менее такое, казалось бы, естественное биографическое объяснение для самого Марковича, думается, могло быть только эмоциональным контекстом позиции, но не основанием сущностного отношения к предмету обсуждения.

Вольф Шмид говорил на конференции, посвященной памяти Владимира Марковича², об удивительно внимательном, вежливом отношении Марковича к чужой мысли. В любой мысли, каким бы ни был ее масштаб, Марковича интересовала прежде всего сама мысль. Должно быть, это был очень искренний интерес, что, возможно, и позволяло Марковичу увидеть и понять потенциал даже студенческой мысли и даже в тех случаях, когда это было непросто. Так и в «Теории литературного процесса», анализируя различные точки зрения, объясняющие причины кризиса традиционного филологического знания, и / или концепции модификации профессиональной деятельности, Маркович стремился не только представить саму идею, но и продемонстрировать ее потенциал, ее эвристические возможности, о которых ее автор мог и не задумываться. В результате такого подхода ситуация кризиса теряла доминирующую в обычном ее описании негативную окраску. Напротив, предлагалось отнести к текущему моменту как к конструктивному этапу, открывающему перспективу не оценки, а нового уровня осмысления всего уже имеющегося и только приобретенного опыта. Ярким примером непредвзятого отношения было обсуждение самого понятия «кризис». Кризис, как подчеркивал Маркович, обозначает высшую точку какого-либо процесса: он знаменует собой или его конец, или — переход к качественно новому этапу. А это значит, что если бы филология переживала кризис, то мы уже были бы свидетелями или «смерти» дисциплины, или появления новой масштабной теории, означающей принципиальное обновление науки, своего рода ее новое рождение. Однако ни того, ни другого так пока и не произошло, хотя за это время и «близкая смерть», и «новое рождение» в том

² XXXVIII Апрельские чтения кафедры истории русской литературы. Международный научный семинар «Классика и авангард», посвященный памяти профессора В. М. Марковича. Санкт-Петербург, 6–8 апреля 2017 г.

или ином варианте предрекались неоднократно³. Наблюдаемая нами длительность «кризисной» фазы делает, таким образом, необходимым пересмотр или, как минимум, уточнение «диагноза». Но тогда есть все основания снова задаться вопросом, в чем существо ситуации, которую переживает наша наука. А для этого имеет смысл вернуться к истокам дискуссии о кризисе, посмотреть на дискутируемые вопросы и на сам ход дискуссии еще раз, чтобы постараться найти иной путь осмысления происходящего, быть может, для сегодняшнего дня более продуктивный.

Так курс Марковича подводил к идее постоянного мысленного возвращения, к необходимости перманентной рефлексии над собственной позицией интерпретатора исследуемого объекта — литературного текста, или культурного события, или научной концепции⁴. Это постоянное возвращение, динамика, в основе которой лежит трансформация собственного опыта, свойственны как таковому и самому объекту филологического изучения — литературному процессу. Любое возвращение вкуче с процессуальностью человеческого и культурного бытия открывает для наблюдателя новые горизонты смысла. Постоянный поиск нерешенного вопроса среди уже, казалось бы, понятных и понятых должен способствовать не критической оценке и не прогнозам, а объективному, научному осмыслению ситуации. Таковой видится логика автора. Очевидно, что это не методология и не концепция, а самый общий принцип интеллектуальной позиции, подразумевающий постоянный вопрошающий диалог как исследовательскую тему, изучаемое свойство объекта, аналитическую стратегию, наконец, как элемент самосознания ученого⁵. Собственно проблему кризиса такого типа мышление не снимает и не решает, но придает самому ходу размышлений над ним потенциальную возможность заметить то, что раньше по тем или иным причинам оставалось вне поля осмысления. Постараемся и мы, с опорой на этот тип мышления, снова обратиться к анализу сложившейся ситуации.

2. Симптомы и причины кризиса

Уже более четверти века — а если посмотреть чуть шире, то и более трети⁶ — профессиональное гуманитарное сообщество определяет состояние своей науки как кризисное. История кризиса многократно освещалась, в том числе и в ходе

³ Один из наиболее ярких примеров — название отечественного филологического журнала, созданного в начале кризисной эпохи (в 1992 г.) и объявившего курс на решительный пересмотр академического научного стиля и аналитического инструментария: «Новое литературное обозрение» (выделено мной. — И. В.).

⁴ Ср. реализацию этого принципа Р. Бартом в рецензии «Ролан Барт в степени три» на собственную книгу «Ролан Барт о Ролане Барте» (1975) [Барт 2002].

⁵ В сохранившихся аудиозаписях курса, читая лекцию, Маркович очень часто задает вопросы. Вопросы — не для обсуждения в аудитории, а скорее маркирующие движение мысли — хорошо знакомы всем, кому довелось слышать Владимира Марковича. Но многие вопросы в этом курсе звучат иначе. В них больше буквального вопрошания. Есть два типа вопросов: 1) вопросы, маркирующие следующий этап осмысления, развертывания мысли,двигающие нарратив изложения; 2) вопросы, маркирующие иной тип движения, возвращающие нас к исходной точке, например: «Если разобраться, что, в сущности, это значит?» (пример типичной формулировки, а не цитата в точном смысле слова). В данном курсе было очень много вопросов второго типа.

⁶ Особенно если учитывать не только российский контекст. См., например: [Morson (ed.) 1986; Poyatos (ed.) 1988; Guillory 1993; Schlaeger (ed.) 1996; Hutcheon, Valdés (ed.) 2002 и др.].

дискуссий, инициированных в отечественном научном пространстве журналом «Новое литературное обозрение» («НЛО»), поэтому нет нужды здесь останавливаться на ней подробно⁷. Отметим лишь основные симптомы и этапы. Процесс начался в Европе и Америке, но к началу нового века захватил и российское научное сообщество. Кризис филологии, даже с учетом всех модификаций последних лет, представляется на общем фоне наиболее масштабным. Он понимается и как кризис методологический, и как кризис собственно дисциплинарный (проблема наличия своего специфического предмета исследования), и как кризис институциональный (стремительное сокращение финансирования исследований в данной области и сокращение собственно самих институций⁸). В итоге сегодня филология переживает еще и мощнейший репутационный кризис. Почти в один голос коллеги из западных университетов утверждают, что в наши дни позиционировать себя как филолога, а тем более специалиста по национальной литературе, — старомодность, граничащая с маргинальностью (например: [Платт 2010: (особо) 14–18; Ушакин 2011: (особо) 23–24; Вальдштейн 2011: (особо) 46⁹]). Так что уход из традиционной филологии в различные междисциплинарные области выглядит на этом фоне вполне оправданным и закономерным. В российском пространстве аналогичные симптомы еще лет 5–10 назад были слегка ощутимы, но сегодня ситуация уже кардинально изменилась. Даже для краткого представления простого статуса «филолог» уже, как правило, недостаточно. Для престижного позиционирования желательны различные «дополнения», подчеркивающие особый, не сугубо традиционный характер профессиональных интересов, например: «филолог-культуролог», «филолог и культурный антрополог», «филолог, социолог литературы» и т. п.

Причины кризиса филологии как дисциплины многократно обсуждались, и сегодня эти вопросы принято считать решенными. Вслед за Х.-Р. Яуссом (см. русский перевод его работы «История литературы как провокация литературоведения» («Literaturgeschichte als Provokation», 1967) [Яусс 1995]) истоки кризиса видят, во-первых, в распаде национальных империй, деактуализации идеи нации, одним из важнейших оснований которой служила сформированная на основе романтиче-

⁷ См., например, материалы дискуссий об истории литературы (2003, № 59), о гуманитарном дискурсе (2010, № 102, с. 12–70) и судьбе филологической науки (2011, № 110, с. 13–114), об антропологии культуры (2009, № 100, с. 9–17) и антропологическом повороте (2010, № 106, с. 11–64; 2011, № 107, с. 11–48; 2012, № 113, с. 12–36; 2013, № 122, с. 12–55), об академизме (2016, № 138, с. 13–77) и др.

⁸ См., например, статистику, отражающую ситуацию в американских университетах, которую приводит М. Эпштейн в статье «О гуманитарном изобретательстве»: «...число студентов, выбирающих гуманитарные предметы, сократилось за последние 40 лет в 2 раза на фоне общего числа роста студентов. Финансирование гуманитарных исследований — 1 % от всех средств, выделяемых на научные исследования, или менее того» [Эпштейн 2016: 221–222]. Или следующие факты, на которые указывает Е. Галёна в интервью с Х.-У. Гумбрехтом: в 2011 г. британское правительство объявило, что прекращает государственное финансирование гуманитарных дисциплин, их деятельность должна финансироваться отныне из частных источников; в 2015 г. Министерство образования Японии призвало японские университеты отказаться от преподавания гуманитарных и социальных наук и сосредоточиться на преподавании дисциплин, которые «лучше всего соответствуют потребностям общества» [Галёна, Гумбрехт 2016: 60]. Также см. уже ставшую классикой книгу Б. Ридингса «Университет в руинах» [Readings 1996] (русский перевод 2010).

⁹ М. Вальдштейн подчеркивает, что в Англии и Америке сам термин «филология» почти полностью исчез из названий департаментов университетов и журналов, а «современные английские словари и справочники, как научные, так и общего пользования, часто добавляют к историческим употреблениям „филологии“ убийственную добавку: old-fashioned» [Вальдштейн 2011: 46].

ской эстетики концепция историко-литературных исследований¹⁰. Вторая причина заключается во все более и более явственном размывании границ предметного поля. Основанием для данной ситуации послужили вопросы сугубо методологического характера: это неснятое противоречие между сфокусированностью исследований на одной из двух категорий — на текстуальности или на контексте. Данная проблема также была обозначена еще в знаменитой работе Яусса и сформулирована им как отсутствие компромисса между формальным и социологическим подходами. Каждый из этих подходов при несомненных аналитических достоинствах обнаруживает ограниченность верифицируемости полученных результатов. В качестве искомого компромисса Яусс предложил свой вариант рецептивной эстетики, и его идеи были достаточно широко приняты. Стремление достичь максимальной верифицируемости научного результата в рамках иных методологических направлений неизбежно приводит к доминированию того или иного фокуса. Так, деконструкция и метаистория в своих построениях отталкиваются преимущественно от текстуальности, а «новый историзм», социология литературы и антропология акцентируют конституирующие возможности различных типов контекстов¹¹. Границы влияния и той и другой категории варьируются при различных подходах достаточно широко, вплоть до претензии на полное господство. Можно вспомнить, например, знаменитое утверждение Ж. Деррида о текстуальности мира¹², ставшее своего рода кульминацией доминирующих на протяжении XX в. исследований текстуальности методом «медленного» (или «пристального») чтения. В процессе развития этого направления литература стала постепенно пониматься как «текст культуры», что привело к принципиальному расширению поля профессиональной филологической деятельности (см.: [Бахманн-Медик 2011]). Движение вширь вызвало на какое-то время определенную экспансию филологического инструментария в смежные гуманитарные дисциплины, но вскоре обозначилось и обратное его следствие — утрата выраженной предметной специфики самой филологической науки. В результате обнаружилось, что ни одна из методологических концепций второй половины XX в. не способна обосновать, а, напротив, проблематизирует наличие у филологии самостоятельного, специфического предметно-проблемного поля. Тотальная текстуальность, так же как и тотальная контекстуализация, превращают филологию лишь в набор аналитических инструментов, дополнительно используемых для выяснения иных вопросов — из смежных гуманитарных областей.

Наконец, есть еще одно важное обстоятельство, обусловившее вкуче с обозначенными выше кризисный характер современной ситуации. Оно касается уже гу-

¹⁰ См., например, статьи из специального выпуска «НЛО», посвященного «истории литературы» (2003, № 59).

¹¹ См., например, материалы уже упоминавшихся в примеч. 7 специальных выпусков журнала «НЛО», посвященных дискуссии об антропологическом повороте в начале 2010-х годов в России.

¹² Речь идет о формуле «Il n'y a pas de hors-texte» [Derrida 1967], которая, в зависимости от перевода, получала разные трактовки. Так, текстоцентристские варианты: «всё есть текст», «нет ничего, кроме текста» или «there is nothing outside the text» [Derrida 1976: 158] считаются сегодня ошибочными. Более точными признаны наиболее распространенный русский перевод Н. Автономовой «вне текста не существует ничего» [Деррида 2000: 318] или «нет ничего, внеположенного тексту», англоязычные варианты «There is no outside-text» [Merquior 1986: 220] и самого Деррида «There is no outside-the-text» [Derrida 2013: 184].

манитарных наук в целом, но филологии — преимущественно. Речь идет о востребованности полученных результатов. Отвечая, и вполне убедительно, на вопросы об имманентных законах, определяющих существование тех или иных культурных объектов, об особенностях исторических типов культуры и характере их изменений, гуманитарная наука всегда имела дело с прошлым, уже бывшим, редко — с настоящим. В технократическом типе современной культуры, напротив, очень востребованы прогностические, моделирующие способности. Тем самым традиционно рефлексивный характер гуманитарного знания расходится с приоритетами современности. Все это выводит проблему кризиса за рамки сугубо методологической дискуссии и ставит вопрос о целеполагании самой филологической науки.

3. Итоги дискуссии

Все годы «кризисной эпохи» отмечены активными попытками видоизменить поле не только филологических, но и в целом — гуманитарных исследований. В новом тысячелетии и предметная сфера, и аналитический инструментарий, и существо решаемых вопросов радикально изменились. Однако, несмотря на все пережитые гуманитарной наукой трансформации, тема кризиса неизменно возвращается¹³. Степень интенсивности дискуссии о судьбе филологии, а также категоричность выносимого «приговора» за это время, разумеется, не раз варьировались. Примечательно, тем не менее, настойчивое возвращение к проблеме кризиса. Сам этот факт, несмотря на немалое количество предложенных идей и концепций, говорит, как считал Маркович, о нерешенности поднятых в дискуссии кардинальных вопросов¹⁴. Потому, казалось бы, разумный призыв «засучить рукава и пахать» [Вальдштейн 2012: 65] не позволяет поставить в ней точку.

Пожалуй, сегодня уже все согласились, что выход гуманитарных наук из кризиса не связан с появлением новой глобальной теории или с решением всех нерешенных вопросов¹⁵. Вместе с тем пройденный путь сформировал определенный опыт осмысления «кризисного» этапа филологии, и этот опыт, становясь, в свою очередь, объектом осмысления, позволяет посмотреть на ситуацию не только «изнутри», но и «извне». В отечественной науке обсуждение кризиса, его симптомов, причин и последствий наиболее активно проходило на протяжении последних примерно 20 лет. Судить о ходе дискуссии можно по специальным выпускам журнала «НЛО», которые маркируют определенные этапы развития-осмысления кризисной ситуации. Обозначена проблема была в 1995 г. на круглом столе «Философия филологии», организованном редакцией журнала, материалы опубликованы «НЛО» (1996, № 17). Дискуссия 2003 г., посвященная «истории литературы», наиболее категорична в оценках сложившейся за XX в. научной традиции (см: «НЛО», 2003, № 59). Главными ее недостатками авторы этого выпуска практически единодушно признают

¹³ См., например, обсуждение текущего состояния и перспектив гуманитарных наук на страницах «НЛО», продолжившееся уже после того, как журналом был продекларирован курс на антропологический поворот [Гумбрехт 2014; Галёна, Гумбрехт 2016 и др.].

¹⁴ Именно это обстоятельство и делало «Теорию литературного процесса», по мнению ее автора, прежде всего актуальным научным проектом, а потом уже — учебной дисциплиной.

¹⁵ Редкое исключение представляет позиция М. Ямпольского: он высказывает уверенность в том, что мы «переживаем замечательный момент возникновения новой глобальной теории», объединяющей разные науки [Ямпольский 2011: 82].

дисциплинарную замкнутость, претензию на «политические» функции¹⁶ и априорную установку на телеологичность и провоцируемый ею схематизм в описании литературного материала (например, статья Б. М. Гаспарова [Гаспаров 2003] и другие статьи этого номера). Следствием такого типа методологии становится подмена действительного объекта исследования (= сложного многосоставного культурного процесса) условным конструктом (например, тем или иным «измом» или бинарной оппозицией), а значит, и результат подобной аналитической практики мало верифицируем. Доводы и оценки выглядят очень убедительно и «не вызывают желания спорить», как мог сказать бы Владимир Маркович. Вместе с тем критикуемая научная традиция (которая чуть позже будет также именоваться «академизмом»¹⁷) выступает у дискуссионтов как такой же условно-обобщенный объект — некое литературоведение вообще, многие недостатки которого обусловлены, помимо универсальных (как то: утратившие актуальность идеи «нации» и «империи»), еще и его «советскостью». И резкость оценок, и определенный схематизм критики первого этапа дискуссии понятен и, в известном смысле, оправдан. Объективно существовавший изоляционизм отечественного научного сообщества порождал, во-первых, стремление отмежеваться от «замкнутой» позиции и утолить интеллектуальный голод благодаря открывшемуся **качественно** (sic! — воспринималось именно так) новому знанию; а во-вторых, порождал иллюзию, что это новое знание и есть верный путь выхода из кризиса. Возникают проекты «других» историй литературы. Издательства переживают настоящий бум переводных научных работ. Концепции зарубежных теоретиков начинают активно применяться к материалу отечественной литературы и культуры. Однако достаточно быстро выясняется, что проблема кризиса этим не решается.

Критическому осмыслению были подвергнуты наиболее авторитетные антикризисные модели. Так, рецептивная методология, предложенная Яуссом в качестве продуктивного компромисса, обнаружила свой «нерешенный вопрос». Как указали Л. Гудков и Б. Дубин, фигура читателя, которая, согласно Яуссу, может объединить в себе конструктивные начала обоих методов, в концепции немецкого ученого абсолютизируется и так же, как преимущественно рассмотренные текст или контекст, является условным конструктом.

«Яусс допускает существенную — с точки зрения социологии литературы — неточность, полагая, что именно или только публика, читатели являются хранителями стандартов литературной культуры... <...> Для постулатов рецептивной эстетики не так уж важно, кто был тем читателем, который создал успех произведению, то есть чья „рецепция“ художественного текста положила начало его литературной жизни и судьбы, — был ли он критиком, меценатом или профаном, то есть какова была его роль в институциональной системе данной литературы. Но для историка литературы, как и для социолога, это обстоятельство должно быть определяющим» [Гудков, Дубин 2003: 219–220].

¹⁶ См. об этом применительно не только к отечественной, но и к зарубежной ситуации: [Гумбрехт 2003: 97].

¹⁷ С. Ушакин называет «академизмом» «узкоцеховые упражнения в герменевтике» [Ушакин 2012: 55]. Не разделяя такую уничижительную оценочность, здесь и далее под «академизмом» понимается прежде всего определенный этап в истории отечественной науки и культуры, хронологически соотносимый со второй половиной XX в.

Необходимость дифференциации и конкретизации этого условного читателя переносит акцент на тот контекст, что оказывается в фокусе сопоставления, — социологии, антропологии, этнологии, культурологии и проч. Логично, что это движение приводит к «антропологическому повороту», избранному как приоритетное направление развития коллективом журнала «НЛО» (см.: [Прохорова 2009; Поселягин 2012]).

Другой естественный вариант антикризисного развития, связанный с общественной репутацией и престижем научной дисциплины, — введение нового материала, идеально — вкупе с новой (для российского пространства) методологией (например: [Берг 2000]). Работы о различных видах «возвращенной» и официально непризнанной в советские годы литературы вызывали всплеск интереса к филологии. Но сейчас, когда публично востребованная острота идеологических разоблачений «советского» снизилась и зон запрета в прошлом (по крайней мере — литературном) фактически не осталось, даже эксклюзивная тематика не способна обеспечить высокий общественный статус филологической профессии. Литературная реальность XX столетия сравнивалась в своем статусе со всеми прошлыми эпохами, утратив особый интерес для широкого непрофессионального общества.

Почти через 10 лет на страницах «НЛО» тема кризиса поднимается вновь — в обсуждении перспектив антропологического поворота¹⁸ и в дискуссии вокруг статьи С. Л. Козлова «Осень филологии» [Козлов 2011]. Ситуация кризиса длится, не меняя радикально своего качества, и потому требует нового переосмысления. Категоричные оценки (в том числе и академизма) смягчаются, хотя и не уходят¹⁹. Для этого этапа очевидно, что длящееся кризисное состояние одним наследием прошлого не объяснишь. «Измы», конечно, не реабилитированы, но академизм не выглядит уже таким однозначным и монолитным. На его фоне выделяются избранные персоналии²⁰, не только признается историческая ценность трудов этих ученых, но и ставится задача их пристального и в то же время недогматического, освобождающего перечтения²¹. Если начиная с 1990-х годов, с одной стороны, рынок эксплуатировал символический капитал гуманитарной классики, производя многочисленные и далеко не всегда научно подготовленные переиздания (что во многом объяснимо все тем же запросом на утоление интеллектуального голода), а с другой стороны — вокруг каждого имени складывался определенный рецептивный канон, то теперь предлагается отказаться от привычных интерпретаций и при-

¹⁸ См. разделы «Антропология как вызов» (2010, № 106: 11–64), «Гуманитарии в поисках дисциплины» (2011, № 107: 11–48), «Времена филологии» (2011, № 110: 13–114), «Картографируя поворот: жаркие зимние дебаты» (2012, № 113: 12–36), «Контексты поворота: идентификации и институции» (2013, № 122: 12–55).

¹⁹ См., например, примечательный рассказ К. А. Богданова о судьбе рубрики «Литература и антропология», предложенной им и А. А. Панченко журналу «Русская литература» [Богданов 2010: 50–51], а также раздел «Десять отзывов на статью Кевина Платта» в «НЛО» (2010, № 106: 27–60).

²⁰ Всем понятно, что дело не в формировании закрытого перечня «истинных ученых». Примечателен, например, подвергшийся резкой критике со стороны участников дискуссии список Н. В. Поселягина [Поселягин 2012: 30–34].

²¹ Ср. категорическое утверждение в отзыве-статье Дубина: «...Якобсон, Лотман, Гаспаров по настоящему даже не прочитаны» [Дубин 2011: 58].

стально посмотреть на «классический» текст «очищенными глазами» и тем самым реактуализировать его²².

Актуальность задач осмысленного и внимательного прочтения или освобождающего перечтения не вызывает сомнений. Однако, как представляется, обе они не снимают другую проблему. Академический этап в нашем литературоведении — частью которого является и гуманитарная классика, но только частью — внутри безусловно плодотворного интеллектуального поиска последних десятилетий оставался преимущественно предметом критической оценки или же критически ориентированного историко-социологического объяснения. Изменение условий, сформировавших данный тип исследований, деактуализация в общественном сознании таких концептов, как «нация», «идентичность», «истина», «объективность», привели к его неизбежной рутинизации. И с этим, действительно, трудно спорить. В то же время осмысление академизма вне какого бы то ни было канона, в том числе и канона критически оценивающего, осмысление его не с позиций актуальности исследовательской парадигмы, не в русле истории науки, а как факта истории отечественной культуры, было бы, как минимум, бессмысленно и бесполезно.

4. Герменевтическое литературоведение

Различные варианты герменевтического литературоведения складываются в отечественной науке во второй половине XX в. Безусловно, речь не идет о какой-либо методологической однородности или едином научном стиле. Но при всех различиях работы академической эпохи объединяет принадлежность к одному историческому времени, к одной культуре. В известном смысле герменевтическому литературоведению тоже свойственны «эпигонство» и «эkleктизм» (в понимании, предложенном С. Л. Козловым [Козлов 2011: 22]): этот тип исследований мог использовать аналитический инструментарий разных школ (тонкий анализ формальной организации, социокультурного контекста, анализ интертекстуальных связей, рецептивных откликов и ассоциаций, структурной организации, системных отношений, исторической динамики форм и проч.). Проблема чистоты метода здесь не существенна. При таком широком понимании важно иное: к данному типу исследований относится все подлинно научное наследие академической эпохи, которому свойственна герменевтическая установка. Фундаментальным положением филологической работы этого типа является представление о холиастической природе объекта и мира, части и целого, на этом основании через аналитику литературного текста выстраивается открытие сложных смысловых отношений человека и формирующих и репрезентирующих его миров (от «внутреннего» до социального, культурного и т. д.). Интерпретация этих отношений в силу все той же изначально принятой холиастической логики приобретает трансцендирующее дисциплинарное поле значение и наделяется качеством герменевтического открытия. Присущий тексту смысл понимается как внесубъектный и вневременной, обладающий символическим потенциалом бесконечного наращивания в перспективе большого времени, поэтому всегда актуальный и новый. В частности, это оправдывало возвращение снова и снова к одному и тому же тексту, его реинтерпретации. Ис-

²² См., например, в «НЛО» специальную рубрику «Гуманитарная классика в режиме перечтения» (2015, № 132 (2): 55–114).

следовательская оптика, необходимая для герменевтического открытия, основана на практике «медленного» или «пристального» чтения. Доведенная до максимума своих возможностей, она породила научные тексты, в разы по объему превышающие исследуемый²³. С учетом постоянных реинтерпретаций вокруг каждого «классического» произведения формировался потенциально бесконечный гипертекст уточняюще-открывающих прочтений.

В данной академической традиции способностью к генерации и аккумуляции смысловых отношений наделяется прежде всего текст художественный, обладающий «эстетической функцией»²⁴, что обуславливает как необходимость самой дисциплины, в том числе и специфические профессиональные умения по обнаружению и аргументации этой главной функции, так и социальный статус дисциплины. Естественно, что «классика» — т.е. тексты, в высшей степени соответствующие принятому профессиональному канону, — является основным объектом изучения. «Художественной классикой» признается текст, обнаруживающий возможность для масштабных герменевтических истолкований. Соответственно уже среди самих интерпретирующих текстов «классическими» становятся те, что предложили наиболее развернутые, сложные и убедительные полотна. Обращение к иному материалу — так называемой «массовой литературе» или «литературе второго ряда» — предполагает несколько сценариев: 1) сопоставительное описание фона, на котором ярче появляются эстетическое совершенство и масштабность открытий «классики»; 2) введение / актуализация / реактуализация текста / автора в поле литературы. Второй вариант предполагал во что бы то ни стало обнаружение у объекта эстетической функции. Если обнаружить таковую согласно правилам принятого эстетического канона было слишком затруднительно, то на помощь приходили конструкты «творческая лаборатория» и «творческий эксперимент». Речь о герменевтическом открытии в этом случае не шла, но необходимость эстетической установки, литературности — хотя бы как мыслимого проекта — позволяла причислить изучаемый объект к числу филологически значимых. В этом случае реализовывался сценарий несостоявшегося открытия. Понятно, что нарисованная картина схематична и реальная ситуация многообразнее и сложнее. Тем не менее ключевая установка на открытие смысла, как представляется, охватывает весь спектр разнообразных и качественно разноуровневых решений.

Примечательно, что как внутри, так и вне профессионального сообщества практически в равной степени ценится не только качество совершённого открытия, но и сама форма интерпретирующего письма. К «хорошему» научному тексту, хотя и без прямого декларирования²⁵, предъявляются те же требования, что и

²³ Так, например: исследование В.Н. Топорова о сравнительно небольшой повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» насчитывает около полутысячи страниц [Топоров 1995].

²⁴ Работа Р.О. Якобсона «Лингвистика и поэтика» в системе традиционного филологического образования до сих пор имеет апологетический статус.

²⁵ Сегодня буквальное декларирование правил не только присутствует, но считается передовой образовательной методикой построения научного текста. В последнее десятилетие в качестве приобщения к прогрессивному западному опыту в системе высшего образования стали активно внедряться курсы «академического письма», по сути зачастую предлагающие как революционное открытие западных образовательных технологий модернизированные правила школьной риторики XIX в. (см., например: учебник И.Б. Короткиной «Академическое письмо: процесс, продукт и практика» (2015)). Следуя этой логике, впору вернуть в высшую школу «Общую ретику» (1829 г. —

к тексту литературному: наличие интриги, выстроенность сюжета, стилистическая стройность и проч. По негласному канону, для герменевтически ориентированного литературоведения риторическое оформление открытия смысла составляет кульминацию аналитического сюжета. В аналитической стратегии такого типа смысл оказывается неотделим от формулирующего его слова, само объяснение приобретает не только интеллектуальную, но и эстетическую ценность. Показывая, как эстетические качества текста создают интеллектуальное событие, исследователь как бы совершает возвратное движение: его собственное построение вызывает не только интеллектуальную, но и эстетическую реакцию у адресата. Речь, разумеется, о лучших образцах. Это труды В. М. Марковича, В. Э. Вацуро, С. С. Аверинцева, А. В. Михайлова, Л. М. Баткина, М. Л. Гаспарова, И. Б. Роднянской, С. Г. Бочарова... Думаю, у каждого, кто прошел академическую школу, будет в чем-то свой и отнюдь не короткий список. Это качество герменевтического литературоведения, превращающее науку в явление «большого» или «живописного» стиля, высоко ценилось и ценится самими филологами²⁶. Именно поэтому при обращении к работам такого типа так часто необходимы развернутые цитаты. Иначе, чем сформулировано, — не скажешь: изменение формы грозит потерей смысловых нюансов. Вспомним, например, изумительное название А. В. Михайлова, данное им для расшифровки своих лекций по истории музыки и истории культуры, — «Поворачивая взгляд нашего слуха...» Или его же высказывание из послесловия к тексту этих лекций:

«Для того, чтобы смысл был не просто каким-никаким и попросту только сносным смыслом, для того только, чтобы он бился на самой грани со всякого рода бессмыслицей <...>, имея ее своей союзницей и заклятым врагом сразу, для этого текст должен быть слишком уж хорошо устроен и построен. И только очень высоким, настоящим текстам, поэтическим, художественным и научным, творческим, пристало получать и смысл, и бессмыслицу (выделено мной. — И. В.)» [Михайлов 1997: 870].

Внутри профессионального сообщества широко распространены описания процесса научной работы именно как процесса творческого, требующего, помимо упорного труда мысли, еще и условий, типичных для создания произведений искусства, — уединения и вдохновения. Создание научного текста — процесс не менее важный, трудоемкий и сложный, чем собственно само исследование. Он часто описывается через метафорический ряд «муки творчества». С другой стороны, формулы «гениально сказано», «блестяще написано», «динамично выстроено» используются для характеристики результата — написанной (= законченной) работы. Во внутриколлегальных оценках широко, хотя и неофициально, применяются статусы «гения» и «бездарности». То же метафорическое поле присутствует и в критериях профессионального отбора: наличие «чувства текста» позволяет отличить «настоящего» филолога от человека случайного в этой профессии. В итоге закономерно возникает представление, что, по большому счету, научить быть филологом нельзя — нужен талант, дар. Генеалогия таких представлений понятна: она восходит к романтическому мифу о художнике-творце, т. е. все к той же эпохе,

первое издание) и «Частную ретику» (1832 г. — первое издание) Н. Ф. Кошанского, снабдив их, конечно, модернизирующим комментарием.

²⁶ См. статьи памяти А. В. Михайлова [Аверинцев, Бочаров, Иванова 1996] или о «живописном» стиле научных работ В. М. Марковича [Виролайнен 2018].

определившей, как не раз отмечалось, и культурный статус академического литературоведения, и вектор его исследований.

Достоинства данного типа исследований понятны, как понятно и то, что может быть в нем предметом критики, особенно — с точки зрения современных приоритетов. Так, индивидуальное мастерство, в идеале доведенное до артистизма, вступает в противоречие с представлением о беспристрастной, рациональной природе научного знания. Многократно повторенный сценарий открытия подвергается той же автоматизации восприятия, что и многократно использованный прием в художественных текстах. Ряд можно продолжить. Вместе с тем герменевтическое литературоведение не исчезло и не исчезнет с концом академической эпохи, как не исчезает ценность эстетической деятельности. Но более всего примечательно, что во второй половине XX в. эстетическое и герменевтическое качество научного слова обеспечивало массовую популярность филологии как дисциплины и филологического знания как такового. Эту популярность невозможно объяснить только работой институтов власти. Очевидно, что они сыграли свою роль, независимо от того, какие механизмы (сознательное / бессознательное, согласие / противостояние) в каждом конкретном случае работали. Увлеченность слиянием эстетического и смыслового, которая проявлялась у самых разных людей, с разными культурными бэкграундами и разными культурными идеалами, заслуживает, на наш взгляд, отдельного размышления. Думается, что этот, в буквальном смысле слова — демократический, резонанс, возникший благодаря эквивалентности объяснения, с одной стороны, объясняемому, а с другой — вектору ожидаемого, делает герменевтическое литературоведение не просто методологической концепцией или этапом филологической науки, но языком культуры определенной исторической эпохи. В отличие от прочих языков эпохи (литературного, бытового, официального языка власти и т. д.) язык культуры — тот, на котором человек этого времени хочет понимать мир и мыслить о мире. Именно это качество эквивалентности, как представляется, а не масштабность теорий как таковых обеспечивает общественное признание и востребованность филологического знания. Более того, способность быть языком культуры проявляет сущность филологии как особой науки, отличной от других гуманитарных дисциплин. Эта сущность, по мысли Аверинцева, состоит в «нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания», что делает филологию «службой понимания» каждого отдельного человека и каждой эпохи [Аверинцев 1972: 976].

Возвращаясь к теме дискуссии, нельзя не согласиться с большинством ее участников в том, что искусственное конструирование новой теории или путь методологической экспансии (географической или инодисциплинарной) вряд ли перспективны. В то же время очевидно, что от репутационного статуса и включенности в современный контекст напрямую зависит будущее науки.

«Дисциплина, активно сторонящаяся попыток повлиять на интеллектуальную повестку дня академического сообщества, дисциплина, не заинтересованная в экспансии своей тематики и своих способов решения интеллектуальных (и социальных) проблем, дисциплина, не озабоченная увеличением того, что в социологии принято называть „собственной социальной базой“, — такая дисциплина обречена не просто на „стадию остывания“, а на холодную (и быструю) смерть» [Ушакин 2011: 26].

Может, это излишне категорично, но верно по сути. Опыт герменевтического литературоведения показывает, что востребованность гуманитарной науки может располагаться не только в русле концепций, но в поиске аналитического и осмысляющего языка, который сможет стать эквивалентным вектору ожиданий современной эпохи, т. е. сможет выполнить функцию языка культуры.

Литература

- Аверинцев 1972 — Аверинцев С. С. Филология. В кн.: *Краткая литературная энциклопедия*. В 9 т. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1972. Стб. 973–979.
- Аверинцев, Михайлов, Иванова 1996 — Аверинцев С. Дальше — молчание; Бочаров С. Филолог большого стиля; Иванова Е. Выпавший из оттепели. *Вопросы искусствознания*. 1996, 2: 486–489.
- Барт 2002 — Барт Р. Ролан Барт в степени три. В кн.: Барт Р. *Ролан Барт о Ролане Барте*. С. Зенкин (пер. с фр.). М.: Ad Marginem; Сталкер, 2002. С. 222–224.
- Бахманн-Медик 2011 — Бахманн-Медик Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы: От антропологического поворота к cultural turns. Бандуровский К. (пер. с нем.). *Новое литературное обозрение*. 2011, 107: 32–48.
- Берг 2000 — Берг М. *Литературократия: Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*. Серия: Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 25. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- Богданов 2010 — Богданов К. А. Гуманитарная учеба и иерархия наук. *Новое литературное обозрение*. 2010, 106: 48–52.
- Вальдштейн 2011 — Вальдштейн М. Осень «филологии», или Редукция сложности гуманитарного сообщества: (Заметки постороннего). *Новое литературное обозрение*. 2011, 110: 45–52.
- Вальдштейн 2012 — Вальдштейн М. «Новый поворот... что он нам несет?»: Об антропологизме в гуманитарных науках. *Новое литературное обозрение*. 2012, 113: 58–65.
- Виролайнен 2018 — Виролайнен М. Н. В. М. Маркович: поэтика мысли. *Вестник СПбГУ. Язык и литература*. 2018, 15 (4): 535–543.
- Галёна, Гумбрехт 2016 — Галёна Е., Гумбрехт Х. У. «Башня из слоновой кости»: О будущем гуманитарного образования. Галёна Е. (пер. с англ.). *Новое литературное обозрение*. 2016, 138 (2): 60–67.
- Гаспаров 2003 — Гаспаров Б. М. История без телеологии: (Заметки о Пушкине и его эпохе). *Новое литературное обозрение*. 2003, 59: 274–278.
- Гудков, Дубин 2003 — Гудков Л., Дубин Б. «Эпическое» литературоведение: Стерилизация субъективности и ее цена. *Новое литературное обозрение*. 2003, 59: 211–231.
- Гумбрехт 2003 — Гумбрехт Г.-У. Начала науки о литературе... и ее конец? *Новое литературное обозрение*. 2003, 59: 93–102.
- Гумбрехт 2014 — Гумбрехт Х.-У. Будущее чтения?: Воспоминания и размышления о генеалогическом подходе. Поселягин Н. (пер. с англ.). *Новое литературное обозрение*. 2014, 128 (4): 17–26.
- Деррида 2000 — Деррида Ж. *О грамматологии*. Автономова Н. (пер. с фр.). М.: Ad Marginem, 2000.
- Дубин 2011 — Дубин Б. И снова о филологии. *Новое литературное обозрение*. 2011, 110: 53–58.
- Козлов 2011 — Козлов С. Осень филологии. *Новое литературное обозрение*. 2011, 110: 15–22.
- Маркович 1992 — Маркович В. М. Книга Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечно-го воображения» и ее судьба в отечественном литературоведении. В кн.: Заборов Р. П. (отв. ред.). *Наследие Александра Веселовского: исследования и материалы*. СПб.: Наука, 1992. С. 179–207.
- Маркович 2001 — Маркович В. М. Парадокс как принцип построения характера в русском романе XIX в.: К постановке вопроса. В кн.: Маркович В. М., Шмид В. (ред.). *Парадоксы русской литературы*. СПб.: Инапресс, 2001. С. 158–183.
- Маркович 2002 — Маркович В. М. Концепция «стадиальности литературного развития» в работах Г. А. Гуковского 1940-х годов. *Новое литературное обозрение*. 2002, 55: 77–105.
- Маркович 2005 — Маркович В. М. В. Э. Вацуро: материалы для исследования. В кн.: Маркович В. М. (ред.), Селезнёва Т. Ф. (сост.). *В. Э. Вацуро: материалы к биографии*. Серия: Филологическое наследие. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 6–18.

- Маркович 2006 — Маркович В. М. О Бахтине «подлинном» и Бахтине «реальном». *Новое литературное обозрение*. 2006, 79: 39–49.
- Маркович 2008 — Маркович В. М. Субъективное авторское повествование и кризис реалистического нарратива: несколько замечаний. В кн.: Маркович В. М., Шмид В. (ред.). *Проблемы нарратологии и опыт формализма / структурализма*. СПб.: Пушкинский проект, 2008. С. 313–332.
- Михайлов 1997 — Михайлов А. В. Поворачивая взгляд нашего слуха: (Послесловие автора). В кн.: Михайлов А. В. *Языки культуры*. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 853–870.
- Платт 2010 — Платт К. М. Ф. Зачем изучать антропологию?: Взгляд гуманитария: вместо манифеста. Марков А. (авториз. пер. с англ.). *Новое литературное обозрение*. 2010, 106: 13–26.
- Поселягин 2012 — Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках. *Новое литературное обозрение*. 2012, 113: 27–36.
- Прохорова 2009 — Прохорова И. Д. Новая антропология культуры: На правах манифеста. *Новое литературное обозрение*. 2009, 100: 9–17.
- Топоров 1995 — Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К 200-летию со дня выхода в свет. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1995.
- Ушакин 2011 — Ушакин С. «Осень, доползем ли, долетим ли до рассвета?». *Новое литературное обозрение*. 2011, 110: 23–26.
- Ушакин 2012 — Ушакин С. «Верните мяч в игру». *Новое литературное обозрение*. 2012, 113: 53–57.
- Эпштейн 2016 — Эпштейн М. О гуманитарном изобретательстве. *Новое литературное обозрение*. 2016, 138 (2): 220–245.
- Ямпольский 2011 — Ямпольский М. Без большой теории? Н. Зоркая (пер. с нем.). *Новое литературное обозрение*. 2011, 110: 59–83.
- Яусс 1995 — Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения (1967). *Новое литературное обозрение*. 1995, 12: 34–84.
- Derrida 1967 — Derrida J. *De la grammatologie*. Paris: Minuit, 1967.
- Derrida 1976 — Derrida J. *Of Grammatology*. Spivak G. Ch. (transl.). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976.
- Derrida 2013 — Derrida J. Biodegradables: Seven Diary Fragments. In: *Signature Derrida*. Chicago: University of Chicago Press, 2013. P. 152–219.
- Guillory 1993 — Guillory J. *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1993.
- Hutcheon, Valdés (ed.) 2002 — Hutcheon L., Valdés M. J. (eds.). *Rethinking Literary History: a Dialogue on Theory*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002.
- Merquior 1986 — Merquior J. G. *From Paris to Prague: A Critique of Structuralist and Poststructuralist Thought*. London: Verso, 1986.
- Morson (ed.) 1986 — Morson G. (ed.). *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies*. Stanford (CA): Stanford University Press, 1986.
- Poyatos (ed.) 1988 — Poyatos F. (ed.). *Literary Anthropology: A New Interdisciplinary Approach to People, Signs and Literature*. Amsterdam: J. Benjamins, 1988.
- Readings 1996 — Readings B. *The University in Ruins*. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
- Schlaeger (ed.) 1996 — Schlaeger J. (ed.). *The Anthropological Turn in Literary Studies*. Vol. 12 of REAL: The Yearbook of Research in English and American Literature. Tübingen: Gunter Narr, 1996.

Статья поступила в редакцию 7 июля 2018 г.

Статья рекомендована в печать 3 сентября 2018 г.

Hermeneutic literary studies as a language of a cultural epoch: Discussing the crisis in philology

For citation: Vasileva I. E. [Hermeneutic literary studies as a language of a cultural epoch: Discussing the crisis in philology]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2018, 15 (4): 552–569. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.404> (In Russian)

This paper is an attempt of approaching the crisis in modern philology not in a judgment-based manner but in a way that a famous Russian scholar Vladimir Markovich did within his university course “Theory of the Literary Process”; he regarded the crisis as a new level of understanding the preceding experiences in philology. The problem of humanities in general and of philology in particular has been in the spotlight for about a quarter of a century. It is generally accepted that the crisis is extensive, methodologically, disciplinarily, institutionally and even reputationally speaking. The possible reasons of the crisis were widely discussed and these discussions resulted in multiple attempts to change the field of studies in humanities and to abandon the preceding research tradition. For Russian scholars, this tradition was primarily connected with the hermeneutic type of literary studies. According to the modern critical thought, the research settings of this kind of philology do not correspond to the current issues. It may seem that even the best examples of academic philology are merely historical artefacts. However, the experience of hermeneutic literary studies could be useful for a critical reflection of the grounds of modern humanities since this experience is analysed not from the perspective of its relevance or as a science history, but as a cultural experience. Characteristic of hermeneutic literary studies is seeing the process of research as a creative one. The result of this process is not merely an analytic description but a text that should be created and evaluated by means of the same aesthetic criteria as the subject of the study itself — i.e. fictional text. Thus, philological works of this kind became popular not only among specialists, but also with an amateur audience as well. It created a high reputation for philology as a special area of knowledge. It is believed that the cultural experience of hermeneutic literary studies demonstrates that it is possible to overcome the crisis not only by developing new research frameworks, but also by looking for the language of research that could become the language of modern culture.

Keywords: theory of literary process, crisis in philology, hermeneutic literary studies, language of cultural epoch.

References

- Аверинцев 1972 — Averincev S. S. *Filologiya*. In: *Kratkaya literaturnaya enciklopediya*. In 9 vols. Vol. 7. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ., 1972. Col. 973–979. (In Russian)
- Аверинцев, Бочаров, Иванова 1996 — Averincev S. [Next — Silence]; Bocharov S. [Philologist of Great Style]; Ivanova E. [Dropped out of Thaw]. *Topics in the Art Studies*. 1996, 2: 486–489.
- Барт 2002 — Barthes R. Rolan Bart v stepeni tri. In: Bartes R. *Rolan Bart o Rolane Barte*. Zenkin S. (transl. from French). Moscow: Ad Marginem Publ.; Stalker Publ., 2002. P. 222–224. (In Russian, transl. from French)
- Бахманн-Медик 2011 — Bachmann-Medick D. [Textuality in Literary and Cultural Studies: Challenges, Limits, Developments]. Bandurovskii K. (transl. from German). *New Literary Observer*. 2011, 107: 32–48. (In Russian, transl. from German)

- Берг 2000 — Berg M. *Literaturokratiya: Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature*. Series: Novoe literaturnoe obozrenie. Nauchnoe prilozhenie. Issue 25. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. (In Russian)
- Богданов 2010 — Bogdanov K. A. [Humanitarian Studies and the Hierarchy of Sciences]. *New Literary Observer*. 2010, 106: 48–52. (In Russian)
- Вальдштейн 2011 — Valdshtein M. [The Autumn of Philology, or Reduction of the Complexity of the Humanitarian Community: (Remarks of Anoutsider)]. *New Literary Observer*. 2011, 110: 45–52. (In Russian)
- Вальдштейн 2012 — Valdshtein M. [“Novyi povorot... chto on nam neset?”: On Anthropology in the Humanities]. *New Literary Observer*. 2012, 113: 58–65. (In Russian)
- Виролойнен 2018 — Virolainen M. N. [Vladimir M. Markovich: Poetics of Thought]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2018, 15 (4): 535–543. (In Russian)
- Галёна; Гумбрехт 2016 — Galona Ye., Gumbrecht H. U. [“Ivory Tower”: On the Future of Humanities Education]. Galena E. (transl. from English). *New Literary Observer*. 2016, 138 (2): 60–67. (In Russian, transl. from English)
- Гаспаров 2003 — Gasparov B. M. [History without Teleology: (Notes on Pushkin and His Era)]. *New Literary Observer*. 2003, 59: 274–278. (In Russian)
- Гудков, Дубин 2003 — Gudkov L., Dubin B. [Epic Literary Criticism: The Sterilization of Subjectivity and Its Cost]. *New Literary Observer*. 2003, 59: 211–231. (In Russian)
- Гумбрехт 2003 — Gumbrecht H. U. [The Origins of Literary Studies... and Theirs End?]. *New Literary Observer*. 2003, 59: 93–102. (In Russian)
- Гумбрехт 2014 — Gumbrecht H. U. [The Future of Reading?: Memories and Thoughts towards a Genealogical Approach]. Poselyagin N. (transl. from English). *New Literary Observer*. 2014, 128 (4): 17–26. (In Russian, transl. from English)
- Деррида 2000 — Derrida J. *O grammatologii*. Avtonomova N. (transl. from French). Moscow: Ad Marginem Publ., 2000. (In Russian, transl. from French)
- Дубин 2011 — Dubin B. [On the Philology Again]. *New Literary Observer*. 2011, 110: 53–58. (In Russian)
- Козлов 2011 — Kozlov S. [The Autumn of Philology]. *New Literary Observer*. 2011, 110: 15–22. (In Russian)
- Маркович 1992 — Markovich V. M. *Kniga Veselovskogo «V. A. Zhukovskij. Poeziya chuvstva i serdech-nogo voobrazheniya» i ee sudba v otechestvennom literaturovedenii*. In: Zaboro R. P. (ed.). *Nasledie Aleksandra Veselovskogo: issledovaniya i materialy*. St. Petersburg: Nauka Publ., 1992. P. 179–207. (In Russian)
- Маркович 2001 — Markovich V. M. *Paradoks kak princip postroeniya kharaktera v russkom romane XIX veka: K postanovke voprosa*. In: Markovich V. M., Schmid W. (eds.). *Paradoksy russkoj literatury*. St. Petersburg: Inapress Publ., 2001. P. 158–183. (In Russian)
- Маркович 2002 — Markovich V. M. [The Concept of “Stadiality of Literary Development” in the Works of G. A. Gukovsky in the 1940s]. *New Literary Observer*. 2002, 55: 77–105. (In Russian)
- Маркович 2005 — Markovich V. M. *V. E. Vacuro: materialy dlya issledovaniya*. In: Markovich V. M. (ed.). *V. E. Vacuro: materialy k biografii*. Selezneva T. F. (compl.). Series: Filologicheskoe nasledie. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. P. 6–18. (In Russian)
- Маркович 2006 — Markovich V. M. [On «True» Bakhtin and «Real» Bakhtin]. *New Literary Observer*. 2006, 79: 39–49. (In Russian)
- Маркович 2008 — Markovich V. M. *Subektivnoe avtorskoe povestvovanie i krizis realisticheskogo narrativa: neskolko zamechanij*. In: Markovich V. M., Schmid W. (eds.). *Problemy narratologii i opyt formalizma / strukturalizma*. St. Petersburg: Pushkinskij proekt Publ., 2008. P. 313–332. (In Russian)
- Михайлов 1997 — Mikhailov A. V. *Povorachivaya vzglyad nashego sluxa: (Posleslovie avtora)*. Mixailov A. V. *Yazyki kultury*. Moscow: Yazyki russkoj kultury Publ., 1997. P. 853–870. (In Russian)
- Платт 2010 — Platt K. M. F. [Why Study Anthropology?: (A Humanist’s Account, in Lieu of a Manifesto)]. Markov A. (auth. transl. from English). *New Literary Observer*. 2010, 106: 13–26. (In Russian, transl. from English)
- Поселягин 2012 — Poselyagin N. [Anthropological Eurn in the Russian Pumanities]. *New Literary Observer*. 2012, 113: 27–36. (In Russian)

- Прохорова 2009 — Proxorova I. D. [A New Anthropology of Culture: As a Manifesto]. *New Literary Observer*. 2009, 100: 9–17. (In Russian)
- Топоров 1995 — Toporov V. N. «Bednaya Liza» *Karamzina: Opyt prochteniya: K 200-letiyu so dnya vyhoda v svet*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 1995. (In Russian)
- Ушакин 2011 — Ushakin S. [“Osen, dopolzem li, doletim li do rassveta?”]. *New Literary Observer*. 2011, 110: 23–26. (In Russian)
- Ушакин 2012 — Ushakin S. [“Vernite myach v igru”]. *New Literary Observer*. 2012, 113: 53–57. (In Russian)
- Эпштейн 2016 — Epstein M. [On Humanistic Inventions]. *New Literary Observer*. 2016, 138 (2): 220–245. (In Russian)
- Ямпольский 2011 — Yampolsky M. [Without Big Theory?]. Zorkaya N. (transl. from German). *New Literary Observer*. 2011, 110: 59–83. (In Russian, transl. from German)
- Яусс 1967 — Jauss H. R. [History of Literature as a Provocation of Literary Criticism (1967)]. Zorkaia N. (transl. from German). *New Literary Observer*. 1995, 12: 34–84. (In Russian, transl. from German)
- Derrida 1967 — Derrida J. *De la grammatologie*. Paris: Minuit Publ., 1967.
- Derrida 1976 — Derrida J. *Of Grammatology*. Spivak G. Ch. (transl.). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976.
- Derrida 2013 — Derrida J. Biodegradables: Seven Diary Fragments. In: *Signature Derrida*. Chicago: University of Chicago Press, 2013. P. 152–219.
- Guillory 1993 — Guillory J. *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1993.
- Hutcheon, Valdés (ed.) 2002 — Hutcheon L., Valdés M. J. (eds.). *Rethinking Literary History: a Dialogue on Theory*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002.
- Merquior 1986 — Merquior J. G. *From Paris to Prague: A Critique of Structuralist and Poststructuralist Thought*. London: Verso Publ., 1986.
- Morson (ed.) 1986 — Morson G. (ed.). *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies*. Stanford (CA): Stanford University Press, 1986.
- Poyatos (ed.) 1988 — Poyatos F. (ed.). *Literary Anthropology: A New Interdisciplinary Approach to People, Signs and Literature*. Amsterdam: J. Benjamins Publ., 1988.
- Readings 1996 — Readings B. *The University in Ruins*. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
- Schlaeger (ed.) 1996 — Schlaeger J. (ed.). *The Anthropological Turn in Literary Studies*. Vol. 12 of REAL: The Yearbook of Research in English and American Literature. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1996.

Received: July 7, 2018

Accepted: September 3, 2018